

Оглезнев В.В.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК, АСКРИПТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Аннотация: В представленной статье автор показывает, что в юридическом языке обнаруживаются, так называемые, аскриптивные правовые высказывания (аскриптивы), которые отличаются от дескриптивных высказываний. Автором установлено, что благодаря аскриптивам в праве реализуется особая функция языка – перформативная, или осуществление действий при помощи слов. Это стало возможным в результате применения в юридическом языке методологического и концептуального аппарата теории речевых актов, разработанного английским лингвистом Джоном Остиным и американским философом Джоном Сёрлом. При проведении исследования была использована методология философии обыденного языка и концептуальный аппарат теории речевых актов. Особым вкладом автора в исследование темы является установление семантической специфики аскриптивных правовых высказываний и разработка лингвистической формулы аскриптивов, отражающей их особый характер и значение для юридического языка. В частности, показано, что аскриптив является отдельным речевым актом, встречающимся преимущественно в юридическом языке.

Ключевые слова: Юридический язык, аскриптивные правовые высказывания, дескриптивные высказывания, речевой акт, семантика, прагматика, правоприменение, судебное решение, действие, норма права.

Abstract: This article demonstrates that within the legal language there have been discovered the so-called ascriptive legal utterances (ascriptions), which differ from the descriptive statements. The author determines that the ascriptions in law help realize a special function of the language – the performative one, or taking action using words. It became possible as a result of implementation within the legal language of a methodological and conceptual apparatus of the theory of speech acts, developed by an English language expert John Austin and American philosopher Searle. The methodology of philosophy of common language, as well as the conceptual apparatus of the theory of speech acts was being used in the course of this work. The author's main contribution consists in establishment of semantic specificity of the ascriptive legal utterances, and development of the linguistic formula of ascriptions, which reflects their special character and importance for the legal language. It is also highlighted that ascription represents a separate speech act, which mostly occurs in the legal environment.

Keywords: Law enforcement, pragmatics, semantics, speech act, descriptive utterances, ascriptive legal utterances, legal language, court decision, action, legislative norm.

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-4664.2016.6).

Исследование юридического языка неизбежно связано с вопросом о сущности права, и всякий раз, когда затрагиваются проблемы языка, дело не ограничивается только стилистикой [1, с. 7]. То, что вызывает наибольшие сложности, это вопросы семантики, т.е. вопросы о значении и смысле тех слов, в которых выражаются юридические понятия. Вопросы эти не так просты, как может показаться на первый взгляд. И вот почему. Язык права в основном использует слова и выражения, имеющие широкое хождение в рамках обыденного языка, но, очевидно, связывает с ними не то весьма широкое

содержание, которое предполагается обыденным словоупотреблением. Фиксация особого юридического содержания терминов в рамках четко определенного юридического дискурса, каковым, в конечном счете, выступает право, всегда являлась одной из задач юриспруденции в сфере четкого определения юридических понятий. Однако требование четкого определения в купе с частой размытостью словоупотребления всегда вызывали серьезные проблемы [2]. Как выразить в языке то, что, казалось бы, однозначно подразумевается в праве? И в этом отношении язык был и остается неременной загвоздкой, с которой

право сталкивается всякий раз, когда стремится к точной экспликации правовых понятий и норм. Поскольку язык, в котором выражены нормы (а нормы выражаются, прежде всего, в языке повседневного общения), во многих случаях эквивокативен, это порождает двусмысленность интерпретации входящих в них терминов. С другой стороны, юридический язык – это всегда язык, являющийся подсистемой языка повседневного общения, следовательно, он также эквивокативен, поэтому проблема адекватного выражения правовых норм была и остается крайне актуальной для юридической науки [3, с. 88-105].

Именно язык выступает тем материальным средством, в рамках которого выражаются все юридические понятия: от конкретных и до наиболее абстрактных. В чем же заключается связь языка и права? Удачным представляется ответ А.А. Ушакова, который отмечает, что «язык в праве выступает как конструктивное институциональное начало самого права. Последнее живет не только в действиях людей, но и в языке: право есть языковое явление. Язык в праве используется не только для его обозначения: из языка строится само право, его структура. Язык – это плоть и кровь права. В этом весь смысл и вся философия вопроса о роли языка в праве» [4, с. 291]. И далее, «язык – первоэлемент и единственный строительный материал в праве» [4, с. 289].

Таким образом, вопросы о природе языка права, об онтологическом статусе правовых свойств и о познавательном потенциале правовых высказываний принято относить к области знания, которая может быть условно обозначена как «эпистемология права». К данной области знания относится и менее разработанная проблема – проблема «правоприменения», или проблема взаимоотношения эмпирических фактов и норм права, для которых эти факты служат основой приложения. В частности, это анализ предполагаемого *аскриптивного* характера юридических понятий; *аскриптивность* помогает отделить их от родственных моральных понятий и дескриптивных терминов. Рассмотрение этого вопроса предполагает выход на более общую проблему природы рационального поведения и критериев приписывания ответственности, что служит дополнительным эвристическим стимулом для его анализа. Исследовательская стратегия, которая взята за основу в этом исследовании, указывает на особый недескриптивный (аскриптивный) характер юридических терминов, которая может послужить в том числе ключом к разрешению проблемы правоприменения [5].

Термин «недескриптивный», если исходить из простого семантического анализа приставки «не», является просто отрицанием исходного термина,

от которого он образовался, т.е. отрицанием того, что этот термин что-то описывает или обозначает. Однако было бы ошибкой считать, что существуют термины, которые ничего не обозначают. Термины по своей природе должны что-то обозначать, иначе их нельзя было бы отличить от нечленораздельных звуков, которые *a priori* не могут этого делать. Вопрос возникает не по поводу того обозначает или не обозначает этот термин что-то, а по поводу того как это обозначение происходит, т.е. каким образом задается семантика термина. Следовательно, недескриптивный термин должен пониматься не как термин ничего не обозначающий, а как термин, использующий нестандартный тип обозначения по отношению к обычному и общепринятому способу задания семантики слов. Обычный, т.е. дескриптивный, или в более узком смысле эмпирический термин предполагает семантическую связь между термином и объектом, на который он ссылается, в виде «окулярной», «зеркальной» или «картинной» метафоры. Термин описывает, отражает, формирует ментальный образ предмета или процесса, о котором он говорит. Концептуальным следствием этого взгляда является представление о том, что между термином и предметом формируется особое отношение соответствия, которое предполагает обязательное существование тех сущностей, на которые он ссылается. Такие дескриптивные термины всем знакомы и общеизвестны, например, «человек», «природа», «вода» и т.д.

Однако данное определение верно лишь при первоначальном приближении и не может выявить всех эпистемологических особенностей недескриптивной семантической связи [6]. Поэтому методологически необходимым представляется провести границу между простым указанием на ложность дескриптивной связи для данного термина, т.е. отрицанием того, что этот термин обозначает какое-либо свойство или сущность, в то время как он претендует на это, например, слово «пегас» или «кентавр», и изначальным отсутствием такой дескриптивной связи, как это предположительно существует в юридическом дискурсе (т.е. различие между *не дескриптивным* и *недескриптивным*).

Удачная стратегия по выявлению специфических свойств нестандартного типа семантических связей, присущих недескриптивному дискурсу, принадлежит Г.Л.А. Харту [7, 8], который тяжесть рассмотрения проблемы перенес из области метафизики, т.е. вопроса о том, на какие сущности ссылаются недескриптивные термины (и ссылаются ли они на них вообще), в область эпистемологии – концептуальных проблем техники определения недескриптивных терминов.

Данное видение проблемы имеет несколько преимуществ, во-первых, оно позволяет уловить различие между недескриптивными терминами и дескриптивными терминами с пустым объемом, которое невозможно провести исходя из метафизической точки зрения, потому что эти два типа терминов не ссылаются ни на какие объекты в привычном дескриптивном понимании. А, во-вторых, процедура определения напрямую задает значения слов, т.е. она устанавливает тип семантической связи для термина; таким образом, в зависимости от различных техник определения терминов будет варьироваться и тип их семантической связи. Еще один положительный момент заключается в том, что определение образует критерий использования слова, поэтому экспликация правильной техники определения недескриптивных терминов [2, с. 232-235] будет одновременно предоставлять критерий для применения этого типа терминов и критерий их отличия от дескриптивных терминов. Следовательно, переход от метафизики к эпистемологии позволяет решить проблему выявления особенностей недескриптивных терминов прямым путем, а не негативными определениями, которые просто отрицали изначальные характеристики, присущие дескриптивным терминам.

Харт постулирует существование особого вида языковых выражений, основная функция которых состоит не в *описании* конкретных ситуаций, а в *выражении* правовых требований и в юридической квалификации событий, состояний и действий, придающей природным и социальным явлениям юридическое значение [9, с. 22].

Все это привело Харта к выводу, что в юридическом языке имеет место серьезное противоречие между дескриптивными высказываниями, основная функция которых заключается в описании фактов совершения действия, подтверждаемых наблюдаемыми проявлениями, и разъясняющих право аскриптивными произнесениями, которые, в отличие от дескриптивных предложений, невозможно верифицировать. Харт пытается выявить существенные (в первую очередь грамматические) признаки аскриптивных выражений и указывает, что «произнося такие предложения, особенно в настоящем времени, мы часто не описываем, но фактически осуществляем или производим некое действие... и когда эти слова употребляются таким способом, они соотносятся с подтверждающими их фактами во многом тем же самым образом, что и решение судьи. Но помимо этого, данные предложения, особенно в прошедшем и будущем времени, имеют многообразие других употреблений, которые в целом нелегко вычлени-

из, так называемого, их первичного употребления» [7, с. 128-129]. Из этого рассуждения следуют, по крайней мере, два важных методологических вывода: во-первых, приписывание ответственности или права осуществляется при помощи определенных правовых высказываний, а во-вторых, глаголы действия (action verbs) имеют дескриптивное употребление в настоящем и будущем времени, а аскриптивное – в основном в прошедшем времени. Поэтому первичная функция юридических понятий в отличие от обычных дескрипций заключается в том, что утверждение «X имеет право» используется для того, чтобы *действовать* (совершать действия при помощи слов [10]) посредством правовых норм, т.е. с помощью правовых норм *делать* вывод, а не излагать или описывать факты. Следовательно, учитывая эти отличительные особенности, юридические понятия могут быть прояснены только рассмотрением условий, где и как они используются характерным для них образом.

Однако подход Харт к анализу юридического языка выглядит несколько поверхностным, поскольку ограничивается лишь различием на некоторых примерах дескрипций и аскрипций и постулированием перформативного характера правовых высказываний, оставляя без внимания исследование онтологических характеристик юридических терминов и речевых актов, связанных с их употреблением. Мы же попробуем расширить методологическую стратегию Харта за счет имплицитного расширения аскриптивной проблематики в теории юридического языка (другое направление анализа аскриптивной проблематики в философии права Харта представлено в работах С.Н. Касаткина [11, с. 174-233]). Для решения поставленной задачи мы воспользуемся методологическим и концептуальным аппаратам коммуникативно-целевой семантики, которая описывает один из аспектов целенаправленной деятельности носителей языка. Этот подход, известный в философии языка, как теория речевых актов, был детально разработан американским философом Джоном Сёрлом [12]. Кроме того, чтобы продемонстрировать, что аскриптивные правовые высказывания являются особым речевым актом и частью указанной теории, мы воспользуемся также символической записью Сёрла и предложим лингвистическую формулу этих высказываний.

В основании подхода Сёрла лежит базовое утверждение, что у речевого акта обнаруживаются три уровня [12, с. 24], хотя эти они и необязательно должны присутствовать в конкретном речевом акте, но их учет необходим для должного понимания его функционирования: 1) произнесение слов (морфем, предложений) = совершение *актов произнесения*;

2) референция и предикация = совершение *пропозициональных актов*; 3) утверждение, вопрошание, приказание, обещание и т.д. = совершение *иллокутивных актов*. *Акт произнесения* представляет собой высказывание, обладающее фонетической, лексико-грамматической и семантической структурами. В *пропозициональном акте* сообщается о положении дел в мире в прошлом, настоящем или будущем. Передача пропозиции (суждения) происходит в двух частных актах – акте референции, посредством которого указывается на лицо или предмет, и акте предикации, сообщаящем о том, какой признак приписывается (преддицируется) референту. В этом свете передаваемое предложение представляет собой предикацию. *Иллокутивный акт*, обладая определенной силой, обеспечивает указание не только на значение выражаемой пропозиции, но и на коммуникативную цель этого высказывания. Кроме того, у каждого речевого акта есть три измерения: иллокутивная цель (*illocutionary point*), например, для сообщения – отразить положение дел в мире, для приказа – побудить адресата к действию, для обещания – принять на себя обязательство, для поздравления – выразить определенную эмоцию говорящего; направление соответствия (*direction of fit*) между высказыванием и действительностью, например, в случае сообщения высказывание приводится в соответствие с действительностью, в случае приказа, напротив, действительность должна быть приведена в соответствие с высказыванием; условие искренности (*sincerity condition*), или внутреннее состояние говорящего, например, при утверждении – наличие у него соответствующего мнения, при обещании – намерения, при просьбе – желания, при благодарении – чувства благодарности. Это позволяет сделать ему вывод, что желаемое воздействие значения чего-либо заключается не в том, чтобы вызвать речевой отклик у слушающего или сделать так, чтобы он повел себя определенным образом, а в том, чтобы ему стали известны иллокутивная сила и пропозициональное содержание высказывания.

Итак, в качестве основания для классификации речевых (иллокутивных) актов Сёрл предлагает избрать иллокутивную цель и вытекающие из нее понятия: направление соответствия и выражаемые условия искренности. Это дает возможность утверждать о существовании следующих «базисных» иллокутивных актов [13, с. 181-188]:

1. Репрезентативы;
2. Директивы;
3. Комиссивы;
4. Экспрессивы;
5. Декларации.

Цель *репрезентативов* заключается в том, чтобы зафиксировать ответственность говорящего за сообщении о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения. Иллокутивная направленность *директивов* состоит в том, что они представляют собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил. *Комиссивы* – это те иллокутивные акты, цель которых состоит в том, чтобы возложить на говорящего обязательство совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения. Иллокутивная цель класса *экспрессивов* заключается в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания. Определяющим свойством *деклараций* является именно то, что осуществление какого-либо акта из этого класса устанавливает соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью; успешное осуществление акта гарантирует действительное соответствие пропозиционального содержания реальности, т.е. положение вещей, представленное в пропозициональном содержании, реализует или получает свое существование посредством конкретного показателя иллокутивной силы.

Теперь обратим наше внимание на выяснение возможности трансляции методологии теории речевых актов в область юридического языка и правоприменения.

Попробуем эксплицировать предлагаемые Сёрлом три «значимых» измерения речевых актов (иллокутивная цель, направление соответствия и условие искренности) у аскриптивных правовых высказываний. Итак, иллокутивной целью *аскриптива* (под «аскриптивом» здесь и далее понимается речевой акт в форме аскриптивного правового высказывания). является возложение обязанности совершить определенное действие в будущем или следовать определенной линии поведения. Так аскриптивы схожи с сёрловскими *директивами*, но лишь по параметру иллокутивной целенаправленности. Произнося «Виновен в том-то и том-то», судья определяет не только *новый* правовой статус слушающего, но и возлагает на него определенные обязанности: претерпеть определенные отрицательные последствия, являющиеся для правонарушителя новой юридической обязанностью, которой не существовало до совершения противоправного деяния, и представляющие собой лишения личного, организационного либо имущественного характера.

Поскольку иллокутивная сила определяет то, как пропозициональное содержание иллокуции должно соотноситься с миром, Сёрл выделяет два направления соответствия: «слова к миру» (*word-to-world*) и «мир к

словам» (world-to-word). Приведенный выше пример произнесения выражения «Виновен в том-то и том-то» показывает, что *аскриптивы* имеют направление приспособления «мира к словам», как и у сёрловских *директивов* или *комиссивов*. Действительно, произнесение таких высказываний как «*X* виновен в убийстве *Y*», «*X* и *Y* заключили договор», «*X* обязан платить налоги» и проч. свидетельствует о том, что действительность *приводится* в соответствие с высказыванием, например, у *X* и *Y* после подобных произнесений появляются новые (правовые) состояния, которых не было прежде. При этом подобно сёрловским *декларациям* осуществление *аскриптива* устанавливается самим фактом успешного проведения этого акта.

Особый интерес представляет экспликация третьего измерения *аскриптива* – условия искренности. Раскрывая содержание этого параметра речевого акта, Сёрл отмечает, что производя любой иллокутивный акт с некоторым пропозициональным содержанием, говорящий выражает некоторое свое отношение, касающееся этого пропозиционального содержания. Даже тогда, когда говорящий неискренен, когда он не имеет в действительности такого убеждения, желания, намерения, когда не испытывает сожаления или удовольствия, которое он выражает, тем не менее в ходе совершения своего речевого акта он выражает некоторое убеждение, желание, намерение, сожаление или удовольствие [13, с. 174]. Итак, возможно ли определить *аскриптивы* через условие искренности? Насколько применимо данное условие к *аскриптивам*? Ответ: так же как и у *деклараций*, у *аскриптивов* отсутствует направление искренности, поскольку невозможно сказать, что действия судьи, объявившего кого-то виновным, или рефери, удалившего игрока с поля, были неискренними или он попусту лгал. Нельзя сказать «Я признаю Вас виновным в совершении преступления, но говорю это неискренне». Внеязыковые установления, конституирующие основания юридического языка, в дополнении к правилам естественного языка обуславливают специфику и успешность *аскриптивов*. Именно наличие таких установлений как нормы закона позволяют признавать виновным, налагать (юридические) обязанности, требовать совершения определенных действий и т.д.

Таким образом, заимствуя символическую запись Сёрла, структуру *аскриптивов* можно представить следующим образом:

Аиц ↑ Ø (С должен совершить А),

где Аиц – обозначение *аскриптивной* иллокутивной цели, ↑ – направление соответствия «мир

к словам», Ø – отсутствие условия искренности, а пропозициональное содержание указывает на то, что слушающий непременно должен совершить некое действие (в широком смысле): исполнить обязательство, претерпеть ограничения или обременения, нести ответственность и т.д., где С – слушающий, А – некий акт, который слушающий должен совершить.

Как мы видим, у *аскриптивов* много общего с сёрловскими *декларациями*. Так же как и для *деклараций*, для успешности *аскриптивов* требуется наличие внеязыковых установлений или институтов, постулирующих особое (социальное) положение, в котором находятся говорящий и слушающий. Представляется, что нормы закона могут являться подобными установлениями: если судья «успешно» осуществляет (*аскрибирует*) акт обвинения (признает виновным), то *X* становится осужденным. Причем нормы закона служат одновременно и залогом успешности осуществления данного акта, и основанием постулирования особого положения, которое занимают и говорящий и слушающий. Сёрл отмечает, что в *декларациях* сложно провести различие между иллокутивной силой и пропозициональным содержанием: «Поверхностно-синтаксическая структура многих предложений, используемых для осуществления *деклараций*, скрывает от нас эту их цель, поскольку в таких предложениях нет поверхностно-синтаксических различий между пропозициональным содержанием и иллокутивной силой. Так, “Вы уволены” и “ухожу в отставку”, очевидно, не позволяют провести различие между иллокутивной силой и пропозициональным содержанием; однако, я думаю, когда они употребляются для осуществления *деклараций*, их семантическая структура такова: “Я заявляю: ваш трудовой договор (настоящим) расторгается”. “Я заявляю: мой пост (настоящим) объявляется свободным”» [13, с. 185]. Но в отношении *аскриптивов* подобных сложностей не возникает, поскольку их семантическая структура («Я признаю Вас виновным») благодаря внеязыковым установлениям отсылает к надлежащему субъекту говорения и соответствующему контексту, где возможно четко распознать и иллокутивную силу и пропозициональное содержание высказывания.

Несмотря на кажущуюся схожесть *аскриптивов* и *деклараций*, необходимо учитывать, что *аскриптивы* в том виде, в котором мы их представили, обнаруживаются лишь в юридическом языке, задающем специфику их лингвистического содержания. В этом смысле может сложиться (ошибочное) представление, что иногда *аскриптивы* могут принимать форму *деклараций*. Например, предложение «XXII Зимние Олимпийские игры в Сочи объявляю открытыми»,

произнесенное президентом России В.В. Путиным, по-видимому, должно бы считаться аскриптивом, поскольку есть и говорящий и слушающие, есть и внеязыковые установления, указывающие на успешность данного речевого акта (игры *официально* начались с этого момента) и на соответствующее социальное положение говорящего (особый статус субъекта). Но этот речевой акт не аскриптив, а яркий пример сёрловской декларации, поскольку он осуществляется в рамках языка отличного от юридического. Или предложение «Объявляю вас мужем и женой», произнесенное, например, священником во время венчания, будет считаться *декларацией*, но если оно произнесено, например, сотрудником ЗАГСа, то это – *аскриптив*.

Здесь особо следует указать на ошибочность смешения аскриптивного правового высказывания (аскриптива) с нормой права. Эти понятия не являются синонимами и уж тем более не тождественным друг другу. Например, судебное решение с точки зрения его лингвистической формы становится аскриптивом, в смысле результата применения нормы права к конкретным фактам. Именно через употребление аскриптивов происходит приписывание ответственности и прав при правоприменении. В этом

смысле право представляет собой, в терминологии Л. Витгенштейна, «своеобразную форму жизни» и поэтому требует разработки особых методов анализа языковых средств, в которых выражается эта форма жизни. Право «живет» не только правоприменением; скорее, в правоприменении выражается его практическая сторона. Но применение нормы права представляет собой особый речевой акт, который отличен от других функций языка, таких как дескриптивная (функция описания фактов), эмотивная (функция выражения эмоций) и императивная (функция выражения приказов). В праве реализуется особая функция языка – осуществление действий при помощи слов, например при оглашении завещания или вынесении судебного решения. Дело в том, что своеобразие юридического языка указывает на особый статус юридической практики, поскольку сами нормы и юридические действия не существуют вне языка. Осознание этого факта должно сослужить хорошую службу практике правоприменения. Прояснение особого статуса юридических терминов и юридических высказываний должно многое сделать ясным в характере того, что делает практикующий юрист и теоретик права.

Библиография:

1. Лёзов С.В. Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях (научно-аналитический обзор) [Текст]. М.: ИНИОН, 1986. 71 с.
2. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение *per genus proximum et differentiam specificam* и юридический язык [Текст] // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. № 2. С. 228-240.
3. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права [Текст]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 236 с.
4. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык [Текст]. М.: РАП, 2008. 314 с.
5. Оглезнев В.В., Тарасов И.П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий [Текст] // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4(12). С. 101-110.
6. Devitt M. The Metaphysics of Nonfactualism [Text] // Nous. 1996. Vol. 30. P. 159-176.
7. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав [Текст] // Правоведение. 2010. № 5(292). С. 116-135.
8. Оглезнев В.В., Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права [Текст]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 216 с.
9. Афонасин Е.В., Дидикин А.Б. Философия права [Текст]. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. 92 с.
10. Остин Дж.Л. Слово как действие [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Б.Ю. Городецкого. М., 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов. С. 22–130.
11. Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта [Текст]. Самара: Самар. гуманит. акад., 2014. 472 с.
12. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language [Text]. Cambridge, 1969. 204 pp.
13. Сёрл Дж.Р. Классификация иллюкутивных актов [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Б.Ю. Городецкого. М., 1986. Вып. XVII. С. 170-194.

References (transliterated):

1. Lezov S.V. Yuridicheskie ponyatiya i yazyk prava v sovremennykh zarubezhnykh issledovaniyakh (nauchno-analicheskii obzor) [Tekst]. M.: INION, 1986. 71 s.
2. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. Opredelenie *per genus proximum et differentiam specificam* i yuridicheskii yazyk [Tekst] // Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya. 2015. № 2. S. 228-240.
3. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskii yazyk i filosofiya prava [Tekst]. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2016. 236 s.

4. Ushakov A.A. Ocherki sovetskoj zakonodatel'noi stilistiki. Pravo i yazyk [Tekst]. M.: RAP, 2008. 314 s.
5. Ogleznev V.V., Tarasov I.P. Askriptivnost' kak ontologicheskoe svoistvo yuridicheskikh ponyatii [Tekst] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2010. № 4(12). S. 101-110.
6. Devitt M. The Metaphysics of Nonfactualism [Text] // Nous. 1996. Vol. 30. P. 159-176.
7. Khart G.L.A. Pripisyvanie otvetstvennosti i prav [Tekst] // Pravovedenie. 2010. № 5(292). S. 116-135.
8. Ogleznev V.V. G.L.A. Khart i formirovanie analiticheskoi filosofii prava [Tekst]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2012. 216 s.
9. Afonasin E.V., Didikin A.B. Filosofiya prava [Tekst]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2006. 92 s.
10. Ostin Dzh.L. Slovo kak deistvie [Tekst] // Novoe v zarubezhnoi lingvistike / Pod red. B.Yu. Gorodetskogo. M., 1986. Vyp. XVII. Teoriya rechevykh aktov. S. 22–130.
11. Kasatkin S.N. Kak opredelyat' sotsial'nye ponyatiya? Kontseptsiya askriptivizma i otmenyaemosti yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta [Tekst]. Samara: Samar. gumanit. akad., 2014. 472 s.
12. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language [Text]. Cambridge, 1969. 204 pp.
13. Serl Dzh.R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Tekst] // Novoe v zarubezhnoi lingvistike / Pod red. B.Yu. Gorodetskogo. M., 1986. Vyp. XVII. S. 170-194.